

Бойня номер 54*

«Зачем они нас убивают? Что мы им такого сделали?» — репортаж из новосибирского села Козиха

07:19, 25 марта 2026,

Фото: Игорь Стрельцов

Массовый забой и сожжение убитых коров в деревнях Новосибирской области ветеринары проводили под прикрытием силовиков. Животных усыпляли, после чего сжигали, обложив автомобильными покрышками и поленьями. Толком объяснить, что стало причиной этого варварства, мне никто так и не смог. Поэтому — сразу несколько версий, начиная с рейдерского захвата фермерских хозяйств крупными агрохолдингами и заканчивая промышленным саботажем и разного рода конспирологией.

Села во время забоя блокировали полицейские, но корреспондент «Новой» сумел пройти через блокпосты, чтобы увидеть и услышать, как на грани вымирания живут фермеры, для которых корова — это не просто молоко-мясо, а нечто большее, родное. Жизненно важное...

Все имена в репортаже изменены. Это просьба жителей, которые боятся репрессий со стороны властей разного уровня, в том числе поселковых, — по сути, соседей, которые жили и продолжают жить с тобой бок о бок, будто и не было этих страшных костров.

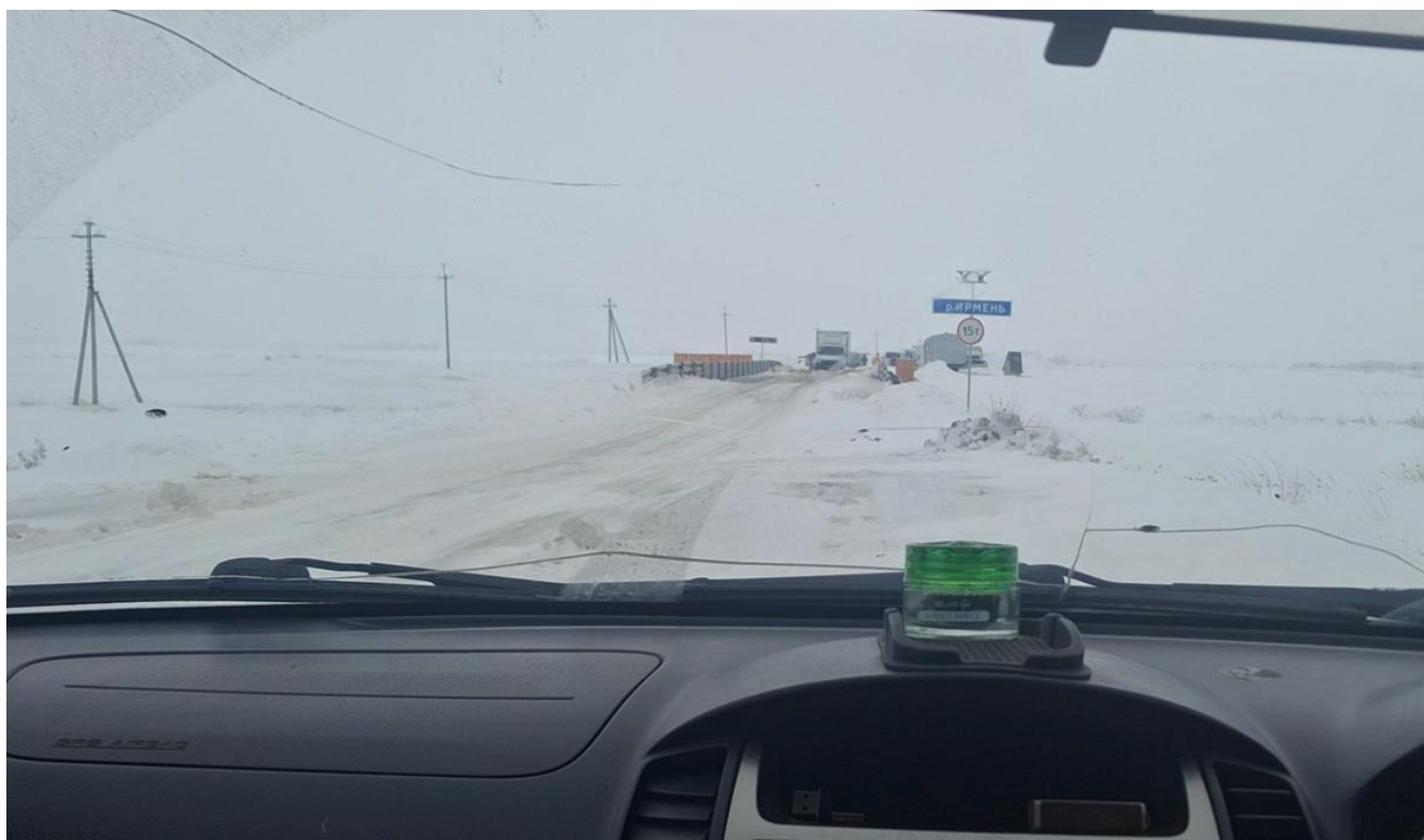
Знак беды

Добраться до Козиhi, которая попала в «черный список» ветеринаров, с одной стороны — просто. Ведущая к селу дорога почищена, местами даже освещена. Но попробуй найти того

таксиста, который взялся бы в ночи ехать полтора часа в одну сторону, зная, что впереди — шлагбаум, наряд полиции, который в лучшем случае развернет машину обратно в Новосибирск, не доезжая пары километров до места высадки пассажира. На удивление, я такого смельчака нашел достаточно быстро.

Виктор за рулем с детства (здесь многие садятся за баранку с молодых ногтей). И водить любит, и расстояния его не пугают. А ехать в нашем случае ночью даже удобно — дороги пустые. Сейчас у него праворульная «Тойота Королла». Виктор не жалуется. На вопрос, что происходит, отвечает коротко и прямо:

«Беспредел происходит, фермеров «латошат» и увозят в отделы [полиции]. Варвары эти заходят и забивают скотину».

Все въезды в Козиху были перекрыты блокпостамию. Фото: Игорь Стрельцов

Но просто так, как раньше, сейчас в Козиху не попасть. Прямо перед мостом через Ирмень — наскоро сооруженный блокпост. Здесь и теплушка, где можно переночевать, и автозак припаркован на всякий случай, парочка автомобилей: ДПС, полиция... И шлагбаум на веревочке, как в кино.

Полицейским велено никого не впускать. Только при наличии документов, подтверждающих, что ты проживаешь в Козихе. Даже родственникам, не говоря уже о друзьях-товарищах или еще каких «нежелательных элементах», въезд в село заказан. Журналисты, ясное дело, проходят по категории «элементов», им въезд запрещен категорически.

И мы с Виктором принимаем решение: не доезжая до Ирмени пересесть в другой автомобиль, который по договоренности с Виктором подогнал к месту встречи как раз местный житель Олег. Машина у него тоже японская и тоже праворульная, с солидно затемненными задними окнами, что оказалось очень к месту. Через блокпост проезжаем в начале третьего ночи. Это тоже на руку. Из вагончика выскочила сонная женщина и, поздоровавшись с Олегом, быстро открыла шлагбаум, стражи порядка следили за порядком, прикрыв заспанные глаза...

Главное препятствие мы преодолели, дальше — село, местные жители, коровы. Подъезжаем к дому. Вокруг с истошным лаем носятся сразу три собаки «дворянской», то есть неизвестной, породы. При этом лают они больше «для приличия» — служба такая.

— Не обращайтесь внимания, они только гавкать способны, не кусачие, — говорит хозяин дома Борис Иваныч. Ему немало лет и болят ноги. Борис Иваныч — пастух, всю жизнь. А в этих местах пасти коров — это не по полю гулять с хлыстом. Тут за стадами присматривают исключительно с лошади. Иначе просто не успеть за всеми. Из-за постоянного сидения в седле — и профессиональные болячки, артриты и прочее.

В селе даже собаки коровам не посторонние. Собака тут — не просто друг человека, но и помощник пастуха.
Фото: Игорь Стрельцов

Борис Иваныч немногословен. Тем не менее поговорили мы больше часа, до четырех утра.

— Я пас 350 голов. В семь утра выгоняешь, в восемь вечера загоняешь. Такие вот дела. У нас кругом посевы, надо, чтобы коровы не разбредались. Чтобы не потравили пшеничку. Ездишь рядом, подворачиваешь их потихонечку. Это адский труд, если кто не знает. Подъем в пять утра, за два часа до выгона. И так каждый день... Полицейский, ветеринар, депутат или еще кто, он, прежде всего, человек. Ведь так? Они хорошо сидят, но нас-то зачем трогают. Мы на свои семьи работаем. И у них семьи — дети, внуки, а за чиновниками теперь еще и ОМОН стоит. Но нельзя же вот так с людьми — в наручники — и в кутузку.

Борис Иваныч встает из-за стола, давая понять, что разговор

окончен. Ему еще собак кормить. Они отчаянно намекают на улице, что пора. Выхожу с хозяином. Закуриваю. Тишина по всему селу. Спрашиваю, стоит ли сходить погулять?

— Иди, никаких проблем, главное, обратно вернись, кровать застелена.

Так и вышло — без проблем. Одно неудобство: кровать не по росту, я длинный, а кровать короткая. Спал наискосок.

— Мы родились здесь, здесь всю жизнь и живем, — за чаем ближе к полудню рассказывает жена Бориса Иваныча Тамара Григорьевна. — Деду 69, мне 68, хозяйство держим до сих пор.

У нас сейчас 20 голов, восемь коней, овечек осенью еще продали. Я сама вырастила 65 гусенят, держала 150 курей, 35 индюков. Не только сами живем, но и внуку помогаем. А дальше-то как? Выдумали же *такое*.

Тамара Григорьевна после инсульта. Предупреждает, что может путаться в датах и цифрах, но постарается рассказать максимально точно — как есть.

— Пейте чай, вот конфеты, шоколадки, — говорит хозяйка.

Сил хватает только на кружку чая. Позже, уже перед отъездом, меня все же усадят за обеденный стол и накормят потрясающим бешбармаком с кониной и луком.

Нашествие головорезов

У «Водолея» (для здешних мест достаточно крупное фермерское

хозяйство) — около 700 голов скота, в основном дойного. Производили из него все — молоко, ряженку, кефир, йогурты. Молочку поставляли напрямую в Новосибирск чуть ли не ежедневно.

— Вот в «Водолее» и была, — так предполагает Тамара Григорьевна, — зафиксирована вспышка заболевания (*какого и когда, никто сказать не может — прим. ред.*). Может быть, занесли его вместе с вакциной, но 17 коров в хозяйстве заболели. Носы у них пооблезали, хотя я сама не видела. В марте уже нам всем местным поставили карантин. Теперь вот сжигают. На днях было собрание, сказали, что надо сжечь весь домашний скот. А у нас по Козихе 300 голов. Это если считать только дойных коров.

На вопрос о причинах Тамара Григорьевна отвечает, что «вероятно, не выгодно кое-кому, чтобы у местных был свой скот». Рядом расположен племзавод «Ирмень» — бывший колхоз «Большевик», основанный аж в 1958 году. «Ирмень» — территория будущего», — значится на сайте агрохолдинга. Но потребитель, судя по отзывам в сети, не согласен с этим утверждением.

Тамара Григорьевна тоже не рекомендует эту продукцию.

— Сметана жидкая стала. Очень разочарованы качеством. Вкус отвратительный. Брать точно больше не станем. Будем искать приемлемую от других производителей. Купила на социальной ярмарке масло соленое ирменское три пачки, все три прогорклые. Гордость за родную нашу областную продукцию пропала. Просим, ребята, взбодритесь.

— Если есть одна версия, то жди и вторую, а в Козихе — третью, четвертую, пятую. Часто местные намекают, что уши торчат из другого известного агрохолдинга. Так и говорят: «Это он хочет отжать нашу землю. А мы для него просто соринка в глазу.

Территорию занимаем, пусть и небольшую», — продолжает хозяйка. — Главный вопрос, на который никто не может ответить:

что стало причиной повышенного и столь откровенного внимания разноуровневого начальства к отдельным селам? Почему кто-то — под нож, а кого-то обошли стороной.

Приезжали к нам чиновники из города, что-то наговорили. Вроде как пастереллез, бешенство какое-то, даже про мутацию что-то сказали. А документов подтверждающих никаких нет.

— Это все секретно, что ли, для нас получается? — обращает свой вопрос в никуда Тамара Григорьевна. — Теперь мы должны свою корову отдать, чтобы ее убили и сожгли. А почему? Мы ведь этим живем. Молоко, масло, творог, сметанку продаем. Это наш заработок. Все это моя дочь возит на базар в Новосибирск. Мы с дедушкой на вырученные деньги пристройку сделали, еще надо забор поправить. Покупаем сено, зерно. Сами зарабатываем, сами по себе живем, ни у кого не просим. Ладно — мы старые, а молодым-то надо детей поднимать. Они понабрали ипотек, кредитов, а чем их закрывать?

Местные власти старались, как могли, погасить недовольство частников. Даже предложили выкупать коров по цене 171 рубль за килограмм живого веса. Но взвешивать скот никто так и не пришел. Не говоря о том, что такая цена ничтожна. На крупном российском интернет-сервисе можно найти объявления: стоимость килограмма свежей говядины стартует от 550 рублей, мякоть — 650, мясо на фарш — 450 рублей кило.

Простая арифметика показывает, что кто-то кого-то пытается надуть. Но с козихинцами такое не проходит.

— Дайте компенсацию приличную, — Тамара Григорьевна считает столбиком. — Вот нам бы с дедом достаточно было бы 30 миллионов рублей. Взглянув на меня, сбавляет обороты:

— Ну пятнадцать! Мы же этих коров покупали, растили их. Это же не просто выгнать пастись, это витамины, лекарства, те же прививки — все денег стоит.

«А тут получите 171 рубль за килограмм живого веса и пляшите дальше, как хотите», — жалуются уже на улице местные, собираясь в небольшие группы, чтобы поделиться впечатлениями. Пока есть только новости из соседней деревни Новопичугово, и сплошь страшные. Туда вроде как зашли и ветеринары, и силовики и уже стали усыплять скотину. Следующая территория бедствия — Козиха. «Ждем», — вздыхают козихинцы.

Бурята, Козюша, Борька, Степанка — у каждой коровы было тут свое собственное имя, только судьба оказалась общая. Фото: Игорь Стрельцов

— У соседей, судя по слухам, коров забрали, но никаких документов никто не показал, — продолжает Тамара Григорьевна. — Мы если сейчас свой скот отдадим, как нам дальше-то быть, что делать? Кто нам поможет? Даже председатель нашего сельсовета за нас не вступается.

Соседка Тамары Григорьевны живет с больным ребенком. До полицейской блокады Козихи она раз в неделю ездила на Октябрьский рынок, торговала молочкой. Теперь две недели простоя. Уже из банка стали названивать, спрашивают, что с погашением кредита? А маме надо не только кормить больного ребенка, но и платить за анализы, обследования, массаж, лекарства.

Вслед за банком позвонили из опеки, пригрозили забрать дитя, если мать лишится источника доходов. А источник перекрыт полицией.

Пока до села не добрались ветеринары-палачи, некоторые местные жители решили сами забить коров, а мясо спрятать. Такая информация появилась в местных СМИ, но козихинцы ее опровергли.

— Вот вы в Москве живете, сколько у вас холодильников дома? — интересуется Борис Иваныч, попивая чай с баранками. — Вы же поймите, корова, это не курица. Куда ставить такое количество мяса. Не у всех же тут есть морозильные камеры, да и они не сильно выручат...

И чтобы мне было понятно, Борис Иваныч встает из-за стола и открывает морозильную камеру своего холодильника. В ней лежат брикеты масла по полкило, а дальше мясо, расфасованное по категориям, — говядина на кости, вырезка, стейки, а еще домашняя колбаса из печени, легкого и других субпродуктов. Здесь же мясо птицы, конина.

На улице март, весна, и никто не собирается забивать скот, потому что он в это время начинает худеть, ему не хватает витаминов.

— Мы же не можем коров постоянно рыбной мукой кормить. Сейчас у нашего скота мало весу. И вот зачем мне таких худышек резать. Знали бы, что начнут убивать и жечь, мы бы на откорм быка поставили, чтобы детям, родственникам хватило мяса. Но мы оказались неподготовленными к такому нашествию головорезов. Знал бы, сдал бы еще осенью всех быков, когда все тихо и хорошо было.

Тамара Григорьевна садится за стол, наливает кипятку в кружку. Кот Барсик юлит под ногами и клянчит еду.

— Они нас за людей не считают, — прихлебывая, говорит Тамара Григорьевна. — А если что — сразу хыч и в подвал. И самое главное, никто не понимает, кто отдал приказ усыплять и сжигать животину. Наши бы на такое не пошли, это точно сверху команда. Говорят, есть распоряжение от губернатора (*губернатор Новосибирской области Николай Травников, по совместительству видный член партии «Единая Россия»*. — И. С.). Но оно не афишируется. Если это решение губернатора, то сделайте все правильно, чтобы это был документ. Может, они думают так — деревня, народ тупой, ничего не поймет, бузить не будет. Но получилось-то по-другому.

Есть и другой факт, который заставляет человека вменяемого задуматься. В Козихе под забой, по сути, попали все без исключения: от вышеупомянутого «Водолея» — до фермеров. В семи километрах от села находится агрохолдинг «Ирмень», от него еще пять километров — и Пичугово.

Что за вирус такой с мутацией, спрашивают люди, что в Козихе и Пичугово всех надо сжечь, а «Ирмень» не трогать? А там стадо большое, и такое же большое влияние на «окружающую действительность».

Хозяином фирмы до поры был Юрий Бугаков, не только агробизнесмен, но и депутат Заксобрания Новосибирской области. После смерти Юрия место хозяина «Ирменя» занял его сын Олег, он же в 2021 году стал депутатом регионального парламента. Тоже вместо папы. Свято место пусто не бывает...

— Вот удивительно, они же там из «Ирменя» каждый день ездят в Новосибирск по делам и за покупками. А нам нельзя! — горячится Тамара Григорьевна. — У них этой коровьей болезни нет, а у нас она на сапогах, на куртках и свитерах, на руках и мордах — повсюду. А к ним эта гадость не липнет. Почему? Почему там всем, у кого есть скот, можно передвигаться, а нам нельзя? Почему так? Не знаю, как быть дальше. Почему мы не имеем права спросить, чем моя корова болеет, что с ней случилось? Анализы ведь не брали, кровь не брали. Прошлой осенью проверяли, весь скот был здоров. А сейчас, не из тучи гром, про ящур заговорили. Но так тут ни одна корова им не болеет. С нами обращаются, как с дураками.

Кроме коров в Козихе держали еще и коней, мелкий скот, птицу. Фото: Игорь Стрельцов

«Едут убивать!»

Возвращаясь к арифметике и обозначенной цифре в 171 рубль за килограмм веса усыпленной и сожженной коровы. Цена, кстати, за день выросла сразу на два рубля, до 173. Тамара Григорьевна предлагает такой вариант подсчета: «Вот я слышала, что у одного чиновника, не буду называть его имени, есть автомобиль за 9 миллионов рублей, подарите мне один. А к нему коттедж мне за такую же сумму предоставьте. Нет? А мы почему должны своих коров отдавать на закланье, это же наша собственность, ничуть не хуже их недвижимости. Надо политикам разным попасть в Заксобрание — мы пошли и проголосовали, а теперь они, став депутатами, об нас ноги вытирают. За что? Пусть знают: я лучше умру, но корову на убой не отдам. Они что думают, нас 171 рубль устроит?»

Тамара Григорьевна работает с детства. Чем только не торговала. Сама мясо рубила и на рынок возила. Руки у нее удивительные. Мужики, торгующие по соседству, так и говорили: видно же, что сама рубит, а дело это не женское. И самогон Тамара Григорьевна гнала на продажу.

— Как-то пришел милиционер с проверкой, а я его в дом не пускаю. Так он удостоверение достал. Ну я ему и шарахнула скалкой по голове. Тебя баба твоя, видать, не била, так вот получай. И он ушел, — смеется Тамара Григорьевна.

Другая история еще колоритнее. Как-то собаки Бориса Иваныча загрызли барсука. Пастуха задержали и доставили в сельсовет. Жена, недолго думая, села на лошадь и поскакала вызволять мужа. Пинком открыла дверь, а там Борис Иваныч — уже с синяком под глазом и бровь разбита. Тамара Григорьевна

поперла на милиционеров. Предложила им выйти на улицу, «поговорить на кулаках». Не согласились. Не поверили, что такие бабы бывают. А она вытащила своего из околотка.

— Так что я могу за свое постоять, хоть мне и много лет и инсульт. Я их не пущу, пусть меня убивают первую, потом моих коров. Надо после себя что-то детям оставить — не гору пустых бутылок, а что-нибудь, на что жить можно. Нам не работать, к смерти идем, а молодежь чем будет заниматься?

На часах почти утро, и пора спать, а на столе опять чай и баранки с конфетами. Но все же ложимся, завтра трудный день. Именно в субботу, как передает «сарафанное радио», придут убивать коровушек.

7.20 утра, звонок от Светланы (напоминаю, имена вымышленные).

— Быстро, бегом, зубы можешь не чистить. Едут.

Собираюсь за минуту и мчу. Благо недалеко совсем — метров 150 между домами. Действительно, колонна машин, в том числе и с мигалками, идут на село как в лобовую атаку. Зрелище жутковатое.

Первая жертва «десанта» — тот самый «Водолей». Туда оперативно подъезжают два крана, чтобы сволакивать мертвых коров в яму и поджигать. Под тяжелую технику даже пробивают в глубоком снегу отдельную дорогу.

Процесс пошел. Село плотно блокировано полицией. Даже выехать уже проблема, не то что въехать.

Уничтожение скота в хозяйстве «Водолей»: туши убитых коров с помощью крана грузили в машину и везли на сжигание. Фото: Игорь Стрельцов

— Это сто процентов агрохолдинги мутят. Они в этом году просто не дадут ничего сделать, никого не дадут вырастить. Как так, 171 рубль за килограмм живого веса? Да мы в этот вес живую нашу душу вложили, — горячится селянка Мария Никитична. — Эти коровы наше будущее. Было. Как жить-то теперь будем? У меня ипотека, кредит, мне 50 тысяч в месяц выплачивать. Откуда я эти деньги возьму? Да у всех здесь так... — Мария Никитична машет рукой. Беснадега и отчаяние.

Все женщины в Козихе эмоциональны и активны. Мужья по-сибирски скромны и молчаливы. Ничего не сделаешь, против власти не попрешь, говорят. Прошлой осенью здесь построили зернохранилище, заплатили 700 тысяч. И если тут коров всех усыпят, сожгут, на черта оно нужно будет?! Вот вопрос, который никто из селян начальству не задает...

Мне говорят, что вариантов жизни, кроме коров и молока, здесь нет. Только скотина в селе все и держит. Рабочих рук нет. Все стоячие и ходячие ушли на СВО. Там деньги.

— Мы сидим и не знаем, где, когда и кто вернется, вернется ли вообще, — Татьяна перечисляет имена, ряд получается длинный. Она и сама не знает, где сейчас ее сын, уже месяц никаких вестей. — Ждем, у нас другого варианта нет, — женщина смачно матерится, других слов про власть и про то, что вокруг, у нее нет.

— Мы работаем без выходных. Летом встаем в пять утра, надо выгонять коров. Нам тут земли хватает, мы пасем у речки. Чужого не берем и не будем брать, — говорит местная жительница Евгения.

У Жени старенький «японец», местами сильно ржавый. Он грузится под завязку — точнее, грузился — всей возможной молочкой. Захожу в гараж внушительных размеров, чтобы было где поставить трактор, — разумеется, марки «Беларусь», который пашет уже 15 лет. Сажусь потолковать с отцом семейства.

— Мы ничего противозаконного не делали и не думали делать. Коровы — это все, на чем держимся, — мужчина повторяет мантру, которую я здесь слышал ото всех без исключения. — Как только их заберут, деревня умрет, люди просто разбегутся. Если кто-то реально решил сюда зайти, типа агрохолдинга, то кто на него будет работать, если все уедут.

— Тут у женщины одной ребенок с ДЦП, — присоединяется к разговору местная жительница Светлана. — Машинка стиральная у нее сломалась, она три недели сидит дома, на

базар не ездит торговать, на что чинить? Она и кровь скотины, и молоко возит в Новосибирск на анализы. Да мы все кровь сдаем. Ежемесячно витамины ставим. У нас коровки-то беспородные. Это как взять дворовую кошку и породистую. Кто переживет болячки? Дворовая, а породистая сдохнет. Мы телочек в этом году ждали. Они все подходят, всех погладить надо. Это работа без выходных. А хочешь подышать, дух перевести, так это и в коровнике можно.

Тамаре названивают соседки — как дела, как ты, начинается женский разговор: «Да пошли они, я коров не отдам». Мужчины молчат. Но надо что-то делать. А что — никто толком не знает. Куда обращаться — не ясно. Остается только ждать.

В дом к Борису Иванычу заглядывает Леха. Берется за любую работу. И у него есть свое понимание происходящего.

— Зачем они нас убивают? Что мы им такого сделали? Хотя... — Леха машет рукой, — мы тут кричим, орем, а толку ноль.

Приходит еще один паренек, ему обещали показать московского журналиста.

И с места в карьер: «Поймите, вы, городские, у нас тут все по-другому. Мы живем коровами. Это не просто так, это реально. По-другому не получается. В каждом доме по несколько баков с молоком. И это не ерунда, а деньги. Баки превращаются в творог, сыр, масло и сметану. Их можно продать».

Раньше крестьян кормили творог, сыр, сметана, масло. Теперь кормят обещаниями мизерной компенсации.
Фото: Игорь Стрельцов

Соседка Полина жалуется: «Мы деньги вложили в ангар. Зерно в бочках задыхается, а в ангаре дышит. А к чему он, если коровушек заберут? Нам жить теперь не на что. Мы всегда на коровушках были. Даже если пытаться поменять работу, то это месяц, и не факт, что возьмут. Надо искать заработок. Есть «Ирмень» рядом, но он же не резиновый. Нам некуда деваться. Все с детства сельским хозяйством занимаются, никого просто так в городе на работу не возьмут. Да и не нравится он нам, мы туда не хотим. И кому мы помешали, не знаю.

Задаю все собранные в Козихе вопросы Ивану Фролову. Это тот самый новосибирский журналист, которого задержали и едва не обвинили во всех смертных грехах — за репортаж о ситуации в области.

Иван Фролов:

«Хочу напомнить людям, у которых собирались изымать скот или будут это делать. Заходят на вашу частную территорию, в частные владения. Это делают ветеринарные врачи в сопровождении полиции. Ваше личное право — пускать этих людей или нет. Надо требовать с них разрешающие документы для изъятия скота. Они ссылаются на распоряжение правительства, но это для служебного пользования. Они к фермерам никакого отношения не имеют. Потому что эти документы официально не опубликованы. Упомянутый пастереллез не относится к особо опасным заболеваниям. Он лечится. Возможно, речь идет о каком-то другом заболевании, о котором нам не говорят, и оно имеет статус опасного. Но в любом случае это заболевание должно быть прописано.

Нет каких-то правовых оснований, чтобы изымать скот и тем более его сжигать. Если вы добровольно его отдаете, то это ваше право. Но если не отдаете и к вам пришли сотрудники полиции с ветеринарными врачами, то надо все фиксировать на камеру мобильного телефона. Это в дальнейшем ляжет в основу судебного дела. Более того, если права нарушены, нужно сразу писать заявление в Следственный комитет, даже напрямую Бастрыкину, в прокуратуру. Желательно делать это коллективно, а не в одиночку.

Нужно помнить: ваша территория — это ваша собственность. Пускать и не пускать кого-то постороннего — это ваше исключительное право и ваша воля. Либо соглашаетесь с этим, либо нет. Второе —

фиксировать все на камеру мобильного телефона. Третье — ознакомиться с документами, сфотографировать, их должны предоставить. И еще раз объясню, что к особо опасным заболеваниям пастереллез не относится. Именно о нем почему-то постоянно говорит Шмидт (*Юрий Шмидт, начальник Новосибирского областного центра ветеринарно-санитарного обеспечения. — И .С.)*».

***

Перед отъездом из Козихи в Новосибирск собираемся большой компанией в доме Бориса Иваныча и Тамары Григорьевны. Разговор за чаем не клеится, мысли у людей о другом, к тому же все село сюда названивает: что слышно? Все ждут утра. Но и утром пока ничего не происходит. «Когда они заявятся?» — спрашивает Борис Иваныч. Перед ним остывает чашка чая. Он к ней даже не притронулся.

Игорь Стрельцов

* Код Новосибирской области.

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:

[Мороприятия](#)

Костры из туш скота отгорают в Сибири.
Послесловие

13:52, 21 марта 2026, Алексей Тарасов